

Н.И. Бубнова

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА

***Аннотация.** Возвращение конкуренции великих держав, а не терроризм, как это было ранее, объявлено основной угрозой США в опубликованной администрацией Дональда Трампа «Стратегии национальной безопасности». С приходом республиканского президента впервые за время после окончания холодной войны возвращается опора на силу в политике, делается ставка на рост военного потенциала, разрабатываются новые виды ядерных вооружений. Китай считается главным «вызовом». Но Россия также вызывает обеспокоенность в связи с наличием у нее ядерного оружия и ее противодействием американской политике, в том числе, как убеждены в США, в киберпространстве. Стремление Трампа «поладить» с Россией вызывает сопротивление политического истеблишмента и пока не находит воплощения в реальной плоскости.*

***Ключевые слова:** Трамп; США; «Стратегия национальной безопасности США»; конкуренция великих держав; гонка вооружений; стратегическая триада; ядерные вооружения; российско-американские отношения; украинский кризис; Сирия; Иран; американо-китайские отношения; северокорейская ядерная проблема; киберугрозы.*

**Бубнова Наталия Игоревна – кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.
E-mail: nataliaibubnova@gmail.com**

N.I. Bubnova. Trump Administration's New National Security Strategy

***Abstract.** The article analyses Donald Trump's National Security Strategy and the document's key assumption that currently the renewed great power competition, rather than terrorism, constitutes the main threat facing the United States. It also investigates the implications of the resulting renewed emphasis on the role of military power, military build-up and development of 'more usable' nuclear weapons. Though all this is coupled with Trump's lack of interest in regime change or open-end interventions in various countries worldwide, the new US posture nevertheless does present challenges for Russia which are the focus of this piece.*

***Keywords:** Trump; United States; US National Security Strategy; great power rivalry; arms race; strategic triad; nuclear weapons; US-Russian relations; Ukrainian crisis; Syria; Iran; China's rise; North Korean nuclear problem; cyberattacks.*

**Bubnova Natalia Igorevna – PhD (History), Leading Research Fellow,
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: nataliaibubnova@gmail.com**

Во всех трех стратегических документах, принятых администрацией Дональда Трампа на рубеже 2017 и 2018 гг.: «Стратегии национальной безопасности» (СНБ), «Стратегии национальной обороны» (СНО) и «Обзоре ядерной политики» (ОЯП), называемом еще американской ядерной доктриной, констатируется, что теперь конкуренция великих держав, а не терроризм, как это было ранее, представляет главную угрозу для Соединенных Штатов. И несмотря на то что в СНБ дважды в различных контекстах в качестве главного вызова Соединенным Штатам по-прежнему указан терроризм, а еще в одном случае – экономическая безопасность, можно говорить об определенной переориентации установок Вашингтона.

Сторонники Трампа обращают внимание на то, что, несмотря на его зачастую непоследовательные действия, противодействие политического истеблишмента и Конгресса, он *step-by-step* реализует обещанное во время избирательной кампании: как и собирался, перекраивает условия торговли с различными странами, отказался от Парижского соглашения по климату, ввел запрет на въезд граждан из ряда мусульманских стран, прекратил участие США в Транстихоокеанском соглашении и переговорах о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве, вышел из Иранской сделки, признал Иерусалим столицей Израиля и перенес туда американское посольство, вновь ужесточает отношения с Кубой, строит стену с Мексикой, отменяет условия пребывания в стране «дримеров» – иммигрантов, в детском возрасте незаконно привезенных в Америку, и принимает драконовские меры против нелегальных иммигрантов, предпринял усилия, чтобы договориться о денуклеаризации Корейского полуострова с Ким Чен Ыном.

Однако нормализация отношений с Россией в этом списке выполненных обещаний характерным образом отсутствовала, и сейчас перспектива их улучшения остается неопределенной. В данном материале на основе рассмотрения основных американских стратегических документов и конкретных действий и программ администрации США делается попытка описать ключевые аспекты современного американского внешне- и военно-политического курса в контексте ее представлений о «конкуренции великих держав».

Россия: Вызов или «поладить»?

В СНБ указывается, что главными задачами США являются противостояние «российской подрывной деятельности и агрессии и угрозам со стороны Северной Кореи и Ирана» [11, р. 48]. Авторы СНБ обвиняют Москву в подрывных действиях в мире, намерении расколоть НАТО и ЕС, стремлении к территориальной экспансии и созданию угроз для соседних стран – в подтверждение чему приводят присоединение Крыма, войну в Грузии и события на Донбассе.

С одной стороны, известно, что Трамп неоднократно говорил, что хочет «поладить с Россией». Несмотря на кризис в российско-американских отношениях, а может быть, напротив, под его влиянием, по сравнению с 90-ми и нулевыми, вернулось осознание их важности.

Но, с другой стороны, на фоне антироссийской истерии, обвинений России во вмешательстве в американские выборы и ведущегося расследования по поводу предполагаемого «сговора с русскими» представителей вашингтонской администрации и самого Трампа его внешнеполитические prerogatives оказались ограничены, а сам он в значительной степени скован в своих действиях в отношении России. Первоначальные намерения Трампа отменить санкции не были реализованы, а напротив, в несколько заходов вводились новые. За первые полтора года состоялись только две его встречи с российским президентом В. Путиным и обе – на полях других мероприятий: сначала саммита Большой двадцатки в июле 2017 г. в Гамбурге и затем в ноябре во время юбилейного форума АТЭС в Дананге во Вьетнаме. Полноценного двустороннего российско-американского саммита в Хельсинки пришлось ждать до самой середины 2018 г. А намеченные были встречи сначала в Париже, а затем в Буэнос-Айресе в Аргентине в рамках саммита Большой двадцатки были отменены – вторая после инцидента с украинскими военными кораблями в Азовском море.

В августе 2017 г., по требованию Вашингтона, было закрыто российское генеральное консульство в Сан-Франциско и заблокированы здания торговых представительств в Нью-Йорке и Вашингтоне, не были возвращены опечатанные при предыдущей администрации принадлежащие России базы отдыха около Нью-Йорка и Вашингтона. После произошедшего в английском Солсбери отравления бывшего сотрудника российских спецслужб С. Скрипаля, являвшегося двойным агентом, и его дочери – в котором обвинили Москву – были высланы 60 российских дипломатов и закрыто еще одно генеральное консульство и резиденция генконсула в Сизтле. Недружественные шаги против России, несмотря на посещение Москвы в июле 2018 г. группой высокопоставленных сенаторов-республиканцев, продолжались вплоть до самой встречи двух президентов в Хельсинки 16 июля. Против 12 российских

граждан – по официальным американским данным, сотрудников ГРУ – было выдвинуто обвинение в непосредственном участии в кибервмешательстве в американские выборы, а буквально накануне саммита в Вашингтоне арестовали российскую студентку М. Бутину по обвинению в деятельности с целью оказать влияние на американских чиновников, осуществлявшейся без требуемой регистрации в качестве иностранного агента.

А результаты самого саммита, который американский президент назвал «очень хорошим началом», были встречены неожиданным для него девятым валом негодования со стороны не только демократов и либералов, но и значительной части республиканского истеблишмента, в том числе обычных союзников Трампа: лидера республиканского большинства в Сенате М. Макконнелла и бывшего спикера Палаты представителей Н. Гингрича. Все это происходило на фоне предшествовавшего хельсинкской встрече саммита НАТО, где Трамп критиковал союзников и назвал ЕС «врагом» (foe). В Вашингтоне множились обвинения президента в измене, в том, что «он встал на сторону Москвы», «выглядел слабаком», стоя рядом с Путиным на пресс-конференции, что объявил «глупость и тупость» США причиной кризиса отношений и, наконец, что громогласно и решительно не потребовал от России прекратить кибервмешательство и даже снова, как говорил когда-то, сказал, что не видит причин, почему Россия могла стоять за кибератаками.

После саммита негативные действия в отношении России продолжились. 3 августа в Сенате США на двухпартийной основе был выдвинут законопроект под названием «Защита американской безопасности от кремлевской агрессии», предусматривающий, в частности, санкции против российского государственного долга и проекта «Северный поток-2». В этом законопроекте впервые предлагалось рассмотреть, имеется ли «достаточно оснований» для признания России «государством – спонсором терроризма». А 6 августа – в тот самый день, когда Москву с миссией по налаживанию отношений посетил конструктивно настроенный сенатор от Кентукки Р. Пол – Государственный департамент объявил о намерении ввести с 22 августа новые санкции в связи с отравлением Скрипалей. А после инцидента в Азовском море Белый дом предъявил России фактический ультиматум, потребовав в течение 60 дней выпустить задержанных украинских моряков. В такой же ультимативной форме было сделано заявление, последовавшее за оглашением намерения Вашингтона выйти из Договора РСМД: от Москвы потребовали устранить якобы имеющиеся нарушения документа в течение тех же 60 дней, пригрозив в противном случае привести решение в действие.

Однако в ОЯП подчеркивается, что Соединенные Штаты не хотят рассматривать Россию и Китай в качестве противников, а стремятся к стабильным отношениям с ними. В Вашингтоне, помимо всего прочего, не могут не

опасаться еще большего сближения Москвы с Пекином вследствие усиления американского давления.

В СНВ говорится, что в Вашингтоне «рассмотрят возможность заключения новых договоров по контролю над вооружениями, если они послужат стратегической стабильности и будут поддаваться верификации» [11, р. 31]. Однако, как уже указывалось выше, в ноябре 2018 г. Вашингтон заявил о намерении выйти из Договора РСМД, а в Конгрессе был выдвинут законопроект о запрете финансирования продления пражского Договора СНВ. В случае разрушения этих двух важнейших документов будут поставлены под сомнение усилия по противодействию распространению оружия массового поражения, предотвращению размещения ударных вооружений в космосе и др.

Среди других значимых направлений деятельности, выделенных в СНВ в качестве приоритетных, указаны совместные контртеррористические действия с союзниками и партнерами. В ходе саммита в Хельсинки обсуждалось воссоздание совета по вопросам борьбы с терроризмом на уровне заместителей глав внешнеполитических ведомств, а также, возможно, – на уровне советника по национальной безопасности, с американской стороны, и его коллеги – с российской. Меры по контролю над вооружениями, совместная контртеррористическая работа особенно важны в связи с появлением новых видов вооружений и происходящим наращиванием военных потенциалов [3, с. 161–178].

На пороге или уже через порог гонки вооружений?

В ОЯП подтвержден взятый еще при Бараке Обаме курс на модернизацию всех трех компонентов стратегической триады (межконтинентальных баллистических ракет (МБР), тяжелых бомбардировщиков, стратегических подводных лодок), а также обновление парка самолетов двойного назначения за счет многоцелевых самолетов F-35 и предназначенных для их оснащения крылатых ракет и ядерных бомб свободного падения. При этом окончательное решение о вводе в строй чрезвычайно дорогостоящих самолетов F-35 было принято именно при администрации Трампа. Всё это объясняется «необходимостью адекватного ответа на дестабилизирующие действия» России, которая в американской ядерной доктрине по-прежнему рассматривается как главный ядерный оппонент США и единственная страна, имеющая паритет с США в ядерной сфере.

В ОЯП также обнародованы планы создания нового типа крылатых ракет морского базирования (которые в период администрации Обамы было решено ликвидировать) и боеголовок пониженной мощности для баллистических ракет на подводных лодках. Оба этих вида вооружений, указывается в доку-

менте, призваны купировать представление, которое, как считают в Вашингтоне, имеется у российской стороны: будто бы можно использовать ядерное оружие в конвенциональном конфликте, чтобы закончить его на выгодных для себя условиях (так называемая концепция «эскалации для деэскалации»). Однако в действительности новые американские системы вооружений сами по себе снижают порог ядерной войны и тем самым повышают опасность ее возникновения. На это указывают многие эксперты как в России, так и в самих Соединенных Штатах. Тем не менее – и это тоже важно – в СНБ говорится, что «Соединенные Штаты не нуждаются в том, чтобы угнаться в размерах своих ядерных арсеналов за другими державами...» [11, р. 30], а в новой американской ядерной доктрине содержится отказ от стремления к паритету с Россией по количеству развернутых тактических ядерных вооружений.

Тем не менее продолжают, хотя и в замедленном темпе, работы по созданию систем Быстрого глобального удара (БГУ): высокоточных стратегических неядерных вооружений (новых крылатых ракет, гиперзвуковых ракетно-планирующих аппаратов, МБР и баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) с неядерными боеголовками), которые, наряду с противоракетными системами, являются предметом особой озабоченности в России. Но если в предыдущем, опубликованном при Обаме в феврале 2010 г., «Обзоре оборонной политики США» [12] подчеркивалась приоритетность развития систем БГУ, а представленные тогда же планы Пентагона предусматривали увеличение расходов к 2015 г. по программе БГУ почти в 3 раза по сравнению с последним годом правления администрации Дж. Буша-мл., то в дальнейшем необходимость секвестирования бюджета Министерства обороны, а также череда неудачных испытаний привели к существенному замедлению программы.

Хотя в СНБ сказано, что американская система противоракетной обороны «сфокусирована на Иране и Северной Корее» и «усиленная противоракетная оборона не предназначена для того, чтобы подорвать стратегическую стабильность и нанести долгосрочный ущерб стратегическим отношениям с Россией и Китаем» [11, р. 8], тем не менее идет полным ходом размещение систем ПРО в Румынии, Польше и в Средиземном мире, а также было принято их развертывание в Японии, Южной Корее и на кораблях в Тихом океане. Республиканская администрация увеличила расходы на систему перехвата баллистических и крылатых ракет более чем в 1,5 раза по сравнению со временем Б. Обамы (с 8 до 12,9 млрд долл. в 2019 г.) [8]. Однако в связи с увеличением опоры на ядерную составляющую американского потенциала сдерживания системам ПРО и системам быстрого глобального удара, как считает академик А. Арбатов, будет, вероятно, придаваться меньшее значение в Вашингтоне [1].

Определенное внимание в американских стратегических документах уделено и космическому оружию – хотя и в общих формулировках и в основном в контексте возрастающих угроз для Соединенных Штатов со стороны других стран. Вывод обычного оружия в космическое пространство не подпадает под ограничения Договора о космосе 1967 г., и в американской СНБ космос рассматривается – наряду с другими средами – как возможное боевое пространство. Через месяц после опубликования ОЯП Трамп объявил о создании Космических войск.

В качестве еще одной новации в СНБ допускается возможность того, что какая-то держава может напасть на Соединенные Штаты без применения ядерного оружия, и выдвигается тезис, что американские Вооруженные силы должны быть готовы к ведению войн с применением обычных вооружений в Европе и Восточной Азии. В трех нормообразующих документах, принятых в Вашингтоне зимой 2017–2018 гг., подчеркивается необходимость сохранения превосходства в обычных вооружениях (в СНБ это названо «сверххранимыми силами»), хотя и оговаривается, что оно не является обязательным во всех сферах, во всех видах оружия. Впервые за период после завершения холодной войны говорится о необходимости увеличения численности Вооруженных сил США при их одновременной модернизации и повышении боеготовности. Хотя речь идет о сравнительно незначительном увеличении личного состава: в 2019 г. их численность с 1300 тыс. возрастет на 15 600 человек.

В европейских странах размещены 60 тыс. американских солдат и офицеров. Это в 8 раз меньше, чем было во времена холодной войны, и в СНБ подтверждается курс на укрепление Сил быстрого реагирования и Объединенных сил повышенной оперативной готовности НАТО. На саммите Альянса в июле 2018 г. было принято решение об увеличении вдвое – на 30 тыс. человек – Сил быстрого реагирования. Расходы на осуществляющуюся с лета 2014 г. программу «Обеспечение европейской безопасности», переименованной при Трампе в программу «Обеспечение сдерживания в Европе», были дополнительно увеличены в мае 2017 г. на 40% по сравнению с ранее одобренными: всего на нее при Трампе было затрачено 11 млрд долл. и на 2019 г. выделено 6 млрд [15].

Между тем, однако, по-прежнему сохраняется ротационность развертывания американских войск в Европе. Условия, оговоренные в основополагающем акте Россия – НАТО от 1997 г., пока не нарушены, не превышены и показатели, установленные не ратифицированным, но тем не менее до сих пор выполняемым Адаптированным договором об обычных вооруженных силах в Европе от 1999 г. Однако рассматриваемая возможность размещения в Польше американской военной базы на постоянной основе привела бы к изменению этого статус-кво.

С американской стороны настойчиво звучат требования к союзникам обеспечить «более справедливое» распределение усилий и выполнить решение о 2%-ных тратах на военные нужды от их соответствующих национальных бюджетов (а с недавнего времени Трамп заговорил уже о 4%). Следует между тем отметить, что эти призывы и давление США уже возымели реальный результат: совокупные военные траты стран Альянса в годовом исчислении превысили в 2017 г. исторический максимум.

На саммите НАТО в июле 2018 г., кроме того, было принято решение о создании Центра управления кибероперациями и двух новых командований Альянса: по Атлантике, которое займется защитой водных коммуникаций между Америкой и Европой, и по логистике в Европе, которое в случае необходимости должно обеспечить более оперативную переброску вооруженных сил и вооружений. Это первая после завершения холодной войны модернизация структуры командования НАТО. Было также решено выделить из общего состава вооруженных сил Альянса дополнительно 30 больших кораблей, 30 тяжелых и средних маневренных батальонов и 30 эскадрилий – которые должны находиться в состоянии боеготовности, позволяющем им не позднее чем через 30 дней приступить к выполнению боевых задач. Хотя речь в данном случае и не идет об увеличении имеющейся численности войск, эта конкретная мера военного характера, по словам М. Помпео, предназначена для «сдерживания России». На территории стран Восточной Европы, Украины, Грузии проходят военные маневры НАТО (всего 150 на европейской территории за 2018 г.), участились облеты самолетов в Балтийском и Черном морях, сопровождающиеся иногда их опасным сближением с российскими самолетами.

В 2017 г. Черногория, а в 2018 г. Македония стали членами НАТО. В американских стратегических документах подтверждается приверженность НАТО и обязательства по предоставлению «ядерных гарантий» безопасности союзникам и партнерам США (их имеют в совокупности более 30 стран, включая европейские государства и Турцию, а также страны Азиатско-Тихоокеанского региона и акватории Индийского океана). На саммите Альянса в июле 2018 г. было также подтверждено обещание принять Грузию в НАТО. Несмотря на то что конфликт на Донбассе и не позволяет киевскому руководству – в соответствии с уставом этой организации – рассчитывать на скорое вступление в Альянс, для нее на саммите был принят так называемый «План действий по членству», являющийся очередным шагом на пути к интеграции с Альянсом, членство Украины в котором является совершенно недопустимым с точки зрения российской стороны.

Украинский конфликт и «третий трек» переговоров

В ходе избирательной кампании Трамп неоднократно давал понять, что не заинтересован в «вовлечении» США в решение украинской проблемы. Однако под давлением американского политического истеблишмента и Конгресса произошла определенная активизация непосредственного участия Белого дома в попытках урегулирования украинского конфликта. Тому первым свидетельством было создание должности специального представителя Вашингтона по Украине, которым был назначен К. Волкер [10]. Последний хоть и не получил статуса заместителя государственного секретаря, тем не менее стал внутри администрации «тем человеком, с которым можно говорить по поводу Украины». С его назначением два существовавших до того времени формата, в которых обсуждалось урегулирование на Украине: «нормандский» (Россия, Украина, Франция, ФРГ) и контактная группа (ОБСЕ, Украина, РФ, ДНР и ЛНР) были дополнены периодически происходившими переговорами между возглавляемой К. Волкером американской делегацией и российской делегацией под руководством В. Суркова.

К. Волкер неоднократно заявлял, что Россия является стороной конфликта и, следовательно, виновата в том, что происходит на востоке Украины. А назначенные весной 2018 г. советник президента США по вопросам национальной безопасности Дж. Болтон и государственный секретарь М. Помпео также были известны своей жесткой антироссийской позицией по украинскому вопросу. Они считают Россию «государством-агрессором», а ДНР и ЛНР – «марионеточными образованиями».

Однако несмотря на это, США, Франция и ФРГ, с одной стороны, и Россия – с другой, часто выступают «с жестких позиций», но они тем не менее периодически артикулируют приверженность Минским соглашениям. Вместе с тем с американской стороны в неофициальном порядке подтверждали, что осознают, что украинский президент П. Порошенко просто «не может» пойти на выполнение Минских соглашений, поскольку в таком случае рискует быть сметенным со своего поста украинскими националистами. С целью реанимировать Минские соглашения была выдвинута идея о введении миротворческих сил ООН в зону конфликта, озвученная президентом Путиным 5 сентября 2017 г. на пресс-конференции по итогам саммита БРИКС в китайском городе Сямень [7].

Серьезным фактором в усугублении конфликта стало, однако, принятое американской администрацией решение об отправке на Украину «летального оборонительного оружия»: противотанковых ракетных систем «Javelin» и средств ПВО (также были одобрены поставки противотанковых систем в Грузию). На это – несмотря на значительное внутривнутриполитическое давление

и многие санкционирующие подобный шаг резолюции Конгресса – не решился в свое время Б. Обама. Всего на военную помощь Украине в американском бюджете на 2018 г. было выделено 200 млн долл., а в 2019 г. – уже 250 млн: из них 50 млн на «летальные» вооружения.

Хотя сам Д. Трамп на пресс-конференции после саммита НАТО, как неоднократно и ранее, не исключал возможности признания Крыма в составе России, но «Крымская декларация», выпущенная Государственным департаментом через неделю после его саммита с Путиным, поставила точку в кризисах вокруг позиции администрации по Крыму. При всем том, что «Крымскую декларацию» многие в США сочли инструментом «сдерживания» Трампа, в документе однозначно сказано, что США не признают и не признают Крым российским и требуют «прекратить оккупацию» полуострова.

Но улучшение российских отношений с Западом возможно только в контексте урегулирования украинского конфликта. По итогам встречи с Д. Трампом в Хельсинки В. Путин рассказал, что в ходе беседы обсуждались некие «новые идеи» в отношении урегулирования на Украине. Однако последовавшие внутривосточные пертурбации в связи с расследованием «русского досье» в США и обострение ситуации в результате инцидента с украинскими кораблями в Азовском море осложнили российско-американское взаимодействие, в том числе и на данном направлении.

Киберхайп или «третий русский перепуг»

Упоминания о кибератаках и киберугрозах встречаются по всему тексту СНБ. Но только Россия конкретно именуется в специальном посвященном этому разделе. «Сегодня такие субъекты, как Россия, используют информационные инструменты, чтобы попытаться разрушить легитимность демократий. Противники выбирают в качестве своих целей СМИ, политические процессы, финансовые сети и персональные данные» [11, р. 14], – указывается в документе. Показательно, что это единственный случай в тексте, когда Россия, пусть и косвенно, обозначается в качестве противника (хотя про киберугрозы в других разделах также говорится и в контексте противостояния с Китаем, Ираном, Северной Кореей и др.). К лету 2017 г. Трамп признал факт российского кибервмешательства в выборы, но продолжал делать упор на то, что никакого сговора «с русскими» у него не было, а «вмешиваться могли и другие страны». Как бы то ни было, специально созданная комиссия под руководством Р. Мюллера продолжает расследование, практически ежедневно поставляя горячие новости на первые страницы газет и в ведущие новостные радио- и телепередачи и вызывая все новые и новые отставки и подозрения в «связях с русскими».

Дж. Болтон и многие другие американские политики называли кибервмешательство в американские выборы «актом войны», сравнивали его с нападением японцев на Перл-Харбор и с атакой террористов на башни-близнецы. А 3 августа 2018 г. с заявлением о подготовке России к кибервмешательству в выборы в Конгресс и в президентские выборы выступили руководители всех спецслужб США. В тот же день в Сенат США был внесен уже упоминавшийся выше законопроект под названием «Защита американской безопасности от кремлевской агрессии». А 5 августа временный поверенный в делах России в США Д. Жирнов был вызван в Государственный департамент для объяснений по поводу использования аккаунтов в социальных сетях для «продвижения насилия и раскола» [14] в США.

Впору говорить не только о возобновлении холодной войны, но и о новом – третьем по счету (если считать «Красный испуг» в США после Октябрьской революции и времена маккартизма 50-х годов) – периоде гипертрофированных страхов по поводу «русского вмешательства»: на этот раз в виртуальном и информационном пространстве.

В августе 2017 г. было принято решение о повышении роли американского Киберкомандования до полноценного командования, с функционалом планирования и расходования бюджета и осуществления оперативной деятельности, аналогичными тому, который имеется у других командований. Новым директором Агентства национальной безопасности весной 2018 г. был назначен бывший высокопоставленный сотрудник Киберкомандования генерал-лейтенант П. Накасоне. На встрече Большой семерки в Канаде в июне 2018 г. было принято решение о создании совместного «Механизма быстрого реагирования» – некоей системы совместного информационного противодействия, призванной обеспечить скоординированные меры стран-участниц в случае внешнего вмешательства в проходящие там выборы или попыток информационного манипулирования. А по решению Брюссельского саммита НАТО, как уже упоминалось выше, был создан Центр управления кибероперациями Альянса. Не скрывается, что в обоих этих случаях речь идет в первую очередь о противостоянии с Россией. Многие комментаторы истолковали содержащиеся в ОЯП положения как констатацию готовности Вашингтона ответить ядерным ударом на крупную кибератаку, поражающую национальную инфраструктуру, энергетическую систему и гражданские объекты. Хотя в самом тексте напрямую об этом не говорится, однако даже такое косвенное допущение целым рядом экспертов признается в высшей степени опасной – а некоторые считают, что самой опасной – новацией документа.

Если еще несколько лет назад упоминались только лишь «действия по защите от кибератак», то теперь открыто говорится и про возможность осуществления Соединенными Штатами наступательных киберопераций, и не только в военное время [11, р. 27]. Причем в соответствии с принятыми летом

2018 г. решениями администрации Трампа было отменено требование принятой еще при Обаме Директивы № 20, предписывающее необходимость межведомственного согласования для совершения подобных киберопераций.

В подобной ситуации нарастающего киберпротивостояния еще более насущной становится необходимость возобновления двустороннего диалога по кибербезопасности. Этот вопрос был поднят еще во время самого первого телефонного разговора Путина с Трампом, но в двух столицах по-разному истолковали результаты состоявшейся дискуссии. Затем почти то же самое повторилось после встречи в Гамбурге, где Д. Трамп выдвинул предложение о совместном противодействии киберугрозам, а затем сам же менее чем через сутки дезавуировал его. Безусловно, двустороннее обсуждение вопросов кибербезопасности и совместная выработка мер по противодействию киберпреступности осложняется истерией, связанной с обвинениями в адрес России во вмешательстве в американские выборы и ведущимся расследованием по поводу «сговора» Трампа с Кремлем. В феврале 2018 г. американская делегация не прилетела на переговоры с российской делегацией в Женеву. На этих переговорах должны были обсуждаться вопросы запрета военной деятельности в киберпространстве. Однако некоторые американские эксперты, такие как, например, С. Коэн, солидаризируясь в этом с самим Д. Трампом, утверждают, что развязанная в США кампания наносит больше вреда американской безопасности, чем то кибервмешательство, которое могло явиться ее причиной.

Противостоять «китайскому цунами»

Во всех трех основополагающих американских документах Россия и Китай упоминаются «в связке». Однако в первых двух – «Стратегии национальной безопасности» и «Стратегии национальной обороны» – сначала в этой паре указан Китай. И только в ОЯП сохранен привычный, принятый раньше порядок перечисления этих двух стран. Таким образом, очевидно, что во всех других сферах, кроме ядерной, Китай в настоящее время представляется Вашингтону более существенным «вызовом». ЦРУ заявило, что Китай ведет холодную войну против США и стремится заменить США в качестве глобального лидера. А в публикациях американских экспертов обращается внимание на то, что Китай принял новую военно-политическую доктрину, предусматривающую создание зарубежного воинского контингента, строит военную базу в Джибуте на Красном море и в других регионах мира, включая Латинскую Америку.

Кроме того, что не менее важно, Китай имеет огромный профицит в торговле с США и не только расширяет влияние в собственном регионе, но и ведет активную экономическую экспансию в Евразии (проект «Один пояс –

один путь»), Африке, Латинской Америке. В СНБ утверждается, что он «приобрел свою экономическую базу» в Европе. А для ряда стран Латинской Америки именно Китай, а не Соединенные Штаты, является крупнейшим торговым партнером. Выйдя из Транстихоокеанского партнерства, Вашингтон продемонстрировал, что «если для администрации Обамы ТТП был одним из основных инструментов ограничения экономического и политического могущества Китая, то администрация Трампа, очевидно, в решении той же самой задачи будет делать ставку на жесткий протекционизм и военно-политические механизмы» [5]. Показательно, что Трамп воздержался от личного участия в двух крупнейших экономических мероприятиях региона, в том числе саммите АТЭС во вьетнамском Дананге 10–11 ноября, послав на эти мероприятия своих представителей. В результате непростых переговоров и государственных визитов Си Цзиньпина в Мар-а-Лаго 6–7 апреля 2017 г. и Д. Трампа в Пекин 8–10 ноября того же года Пекину и Вашингтону удалось договариваться о компромиссах и крупных торговых сделках. Но потом Белый дом отходил от принятых ранее решений и договоренностей, снова применял экономическое давление, действовал тарифами и угрозами их применения. На встрече в ходе саммита Большой двадцатки в Буэнос-Айресе Д. Трамп и Си Цзиньпин согласовали на двусторонней основе решение отложить дальнейшее повышение тарифов на 90 дней, но получится ли на основе этого решения достичь долгосрочного соглашения, покажет будущее.

В первую очередь имеется в виду Китай, когда в СНБ формулируется стратегическая цель не допустить ни в каком регионе мира доминирования одной державы. Характерно, что в СНБ – в отличие от документов времен администрации Б. Обамы – теперь говорится не об Азиатско-Тихоокеанском, а об Индо-Тихоокеанском регионе, что свидетельствует о намерении «подтянуть» не только Индию «в качестве еще одной балансирующей державы» [6], но также и Австралию с Индонезией и другие дружественные США страны региона. Попутно заметим, что в ОЯП – американской ядерной доктрине, провозгласившей страновые стратегии «индивидуального покрова», – «крой-ка» и идентификация регионов остались без изменения.

Американское руководство неоднократно обвиняло Китай в давлении на соседние страны, выражало недовольство по поводу китайских военных маневров, возмущалось, что Китай возводит искусственные острова в Южно-Китайском море, что может превратить его акваторию во внутреннее море КНР – с соответствующим ограничением доступа к американским военным базам [2, с. 148–149].

Известно, что Трамп в декабре 2016 г., только готовясь занять президентское кресло, делал противоречивые заявления насчет Тайваня и политики «одного Китая». Однако затем «одумался» и в феврале 2017 г. в телефонном разговоре с Си Цзиньпином подтвердил приверженность принципу «Одного

Китая». Однако шаги в сторону Тайбэя, предпринимаемые Вашингтоном, не могут не вызывать озабоченности Пекина.

Американские ВМС регулярно проводят операцию под названием «Свобода судоходства» – направляя в Южно-Китайское море свои военные корабли. В Вашингтоне призывают другие страны региона также принимать участие в этой операции и поставляют дружественным им государствам региона вооружения и военную технику. Американские самолеты – несмотря на китайские предупредительные меры – совершают облеты над возведенными китайской стороной островами в Южно-Китайском море и осуществляют аэросъемку активно осуществляемого там гражданского и военного строительства.

Это не мешает, однако, американской администрации параллельно и настойчиво предпринимать попытки воздействовать на Северную Корею через Китай, который Трамп еще во время избирательной кампании обвинял в том, что тот не «приструнил» КНДР.

Сирия: «Ускользающее сотрудничество» или смена парадигмы урегулирования конфликта?

Придя в Белый дом, Трамп намеревался сократить американское военное присутствие на Ближнем Востоке, критикуя предыдущие администрации за то, что на войны в регионе те в совокупности потратили 7 трлн долл. Как и Обама, он исходил из того, что Соединенные Штаты уже больше не нуждаются в ближневосточной нефти, поскольку – с появлением сланцевой нефти – стали в этом плане более чем «самодостаточной» страной: в СНБ многократно повторяется тезис об американском «энергетическом доминировании». Однако, несмотря на дававшиеся обещания, всеобъемлющей ближневосточной стратегии Белым домом представлено не было, а уход США из региона не состоялся. Хотя точных данных относительно численности американского воинского контингента в регионе теперь, по указанию Белого дома, не сообщается, считается, что в Сирии находятся около 22 тыс. американских военных.

В ходе избирательной кампании Д. Трамп говорил о возможности сотрудничества с Россией в совместной борьбе с запрещенной в России террористической организацией ИГИЛ. Хотя Трамп осуждал российские бомбардировки в Алеппо, он не исходил из априори негативного представления о российских действиях в Сирии. Трамп не говорил, как это делала его оппонент на выборах, об однозначной американской «поддержке суннитов», которая безусловно привела бы к усилению межконфессиональной и межэтнической розни.

И Россия, и США готовы были обсуждать политический процесс в этой стране, без которого невозможно достичь урегулирования. Американское руководство в какие-то периоды признавало необходимость отказаться от требования немедленной отставки Асада – подвижки в этом плане отмечались уже при Обаме – и от поддержки тех группировок боевиков, которые не собираются сложить оружие. А российская сторона готова была иметь в виду возможную перспективу ухода Асада в результате политического процесса и всеобщих выборов.

Однако несмотря на декларации, по мере развития событий в Сирии Россия и США все отчетливее оказывались по разные стороны линии огня. В течение 2017 и 2018 гг. в Сирии продолжалось наступление правительственных войск при поддержке российских ВКС. И хотя в СНБ победно возвещается, что Соединенные Штаты «сокрушили ИГИЛ на поле боя в Сирии и Ираке» и будут добиваться «закрепления успеха», инициатива в Сирии была фактически перехвачена тремя другими крупными игроками: Россией, Турцией и Ираном. Значительную роль в неудаче с налаживанием российско-американского взаимодействия в Сирии сыграли провокации, нацеленные на то, чтобы пустить под откос мирный процесс в Сирии. Именно такой провокацией в России называли обвинения в адрес сирийских военных в применении химического оружия в середине февраля 2017 г. Соединенные Штаты ответили тогда ракетным ударом, уничтожив взлетную полосу, несколько самолетов и ангаров сирийских ВВС (в которых, как утверждали в Вашингтоне, якобы хранилось химическое оружие). Этот налет состоялся во время встречи Трампа с Си Цзиньпином в Мар-а-Лаго, где последнему пришлось – без предварительного уведомления – быть фактическим «свидетелем поневоле» разворачивающихся событий. Вслед за этим 10 апреля 2017 г. американский представитель в ООН Н. Хейли заявила – вразрез с предыдущей позицией администрации, – что устранение Асада является приоритетом американской политики. А год спустя, когда Трамп, вопреки позиции Пентагона, объявил о выводе американских войск и свертывании операции в Сирии, появилась информация о газовой атаке сирийских войск в пригороде Дамаска Думе. Трамп ответил тогда фривольным, но от этого не менее пугающе безрассудным твиттом: «Готовься, Россия – наши милые, новые и “умные” ракеты уже летят!» [13], – а затем уже реальным обстрелом сирийских объектов, по которым были пущены более сотни американских ракет. Среди нескольких пострадавших, однако, не было российских военных, что свидетельствовало о том, что акция, возможно, имела в большей степени демонстративный характер. По большей части пока – и это само по себе значимое достижение – удавалось избегать инцидентов между российскими и американскими военными, а когда такие трагические, но редкие, случаи все же происходили – предотвращать перерастание столкновений в полномасштабный конфликт.

Так произошло в ночь с 7 на 8 февраля 2018 г. при попытке взятия контролируемого американцами нефтяного завода, когда штурмовавшая его вооруженная группа, состоявшая в основном из россиян (по официальным сообщениям не являвшихся военными), была почти целиком уничтожена.

Между тем риск возможного боестолкновения между российскими и американскими воинскими подразделениями остается высоким. Когда председатель американского Комитета начальников штабов генерал Дж. Данфорд выступил с прямой угрозой нанести удар силами американских ВВС по центру Дамаска, с российской стороны начальник Генерального штаба В. Герасимов сделал публичное заявление, что если Соединенные Штаты подвергнут ракетно-бомбовому нападению центральную часть сирийской столицы, где находятся, в том числе, российские военные и советники, то тогда Россия будет сбивать самолеты, беспилотники, крылатые ракеты, а потом наносить ответный удар по их носителям.

Заинтересованность Вашингтона в достижении мирного урегулирования в Сирии между тем сохраняется, на что неоднократно указывается в американской СНБ. Считается, что одним из основных связанных с Сирией вопросов для США на данном этапе является недопущение контроля Ирана над освобождаемыми Сирийской армией территориями юго-запада Сирии. В этом крайне заинтересован и Израиль, ставший при администрации Д. Трампа основным бенефициаром политики США на Ближнем Востоке, но одновременно, несмотря на инцидент со сбитым российским самолетом, сохраняющий дружественные отношения с Россией. По итогам встречи Трампа и Путина в Хельсинки стало известно, что стороны договорились о создании на основе договора 1974 г. демилитаризованной зоны на границе Сирии и Израиля. Также важными являются обсуждавшиеся в Хельсинки меры, способствующие возвращению обратно покинувших страну из-за конфликта сирийских беженцев. Что же касается содействия в экономическом восстановлении Сирии, то Вашингтон дал понять, что готов участвовать в данном процессе только после политических перемен в этом государстве.

Разворот от «огня и ярости» к договоренностям с Северной Кореей и интересы России

Во всех основных стратегических документах, принятых в США зимой 2017–2018 гг., о Северной Корее говорилось только лишь в контексте борьбы с ней. Д. Трамп во время визита в Китай 8–10 ноября 2018 г. призвал Москву оказать содействие в обуздании ракетно-ядерной программы КНДР.

Однако когда в середине апреля 2018 г. Пхеньян неожиданно заявил о прекращении ядерных и ракетных испытаний, закрытии крупного полигона на севере страны и отказе от предоставления ядерных и ракетных технологий

третьим странам, на состоявшейся вслед за этим в конце месяца первой за время после Корейской войны встрече лидеров Северной и Южной Кореи была подписана Пханмунчжомская декларация о мире и денуклеаризации Корейского полуострова.

Многие специалисты отмечали, что договоренность с Северной Кореей будет тем надежнее, чем на большее количество стран она будет опираться, и считают необходимым возобновление переговоров шестерки стран, которые содействовали бы глубокой проработке путей решения северокорейской ядерной проблемы.

После периода турбулентности и размолвок – с анонсированием саммита, а потом его отменой и снова подтверждением – 12 июня 2018 г. в Сингапуре состоялась встреча Трампа с Ким Чен Ыном. Сам по себе итоговый документ встречи, уместившийся на полтора страницах, не содержал конкретных обязательств, цифр, дат и пр. Стороны в общих словах зафиксировали в нем, что привержены новым двусторонним отношениям, денуклеаризации Корейского полуострова и строительству долгосрочного прочного мира и процветания на Корейском полуострове и в мире. Ким Чен Ын подтвердил приверженность Пханмунчжомской декларации, а Д. Трамп подписался под тем, что предоставит северокорейской стороне гарантии безопасности в обмен на ее отказ от ядерного оружия [9].

Однако возможным ограничителем, если не препятствием, на пути к урегулированию является разное толкование Соединенными Штатами и Северной Кореей понятия «денуклеаризации». Пхеньян исходит из того, что оно означает замораживание ядерной программы, тогда как Вашингтон понимает под этим полную ликвидацию ядерного оружия и ракет-носителей, а также промышленных мощностей по их производству. Российский же министр иностранных дел С. Лавров выступил с заявлением, что все связанные с Северной Кореей вопросы не могут быть решены в двустороннем формате.

Уже после встречи Д. Трамп неожиданно для всех – и, как писали СМИ, без согласования с южнокорейскими партнерами – заявил, что следует отказаться от американо-южнокорейских военных учений, назвав их «провокационными», – тем самым словом, которое обычно использовали с северокорейской стороны. Однако в Сеуле и Токио резонно возразили, что такие решения должны приниматься по согласованию с ними. Меньше внимания обращали на то обстоятельство, что Трамп также говорил, а может быть, оговорился, что «всегда заявлял, что хочет вернуть ребят обратно». Но это уже – не про силы, которые участвуют в учениях. Очевидно, смешивая одно с другим, Трамп фактически дал понять, что готов дать приказ вывести и более 30 тыс. американских солдат, которые находятся на территории Южной Кореи со времен Корейской войны. На этом раньше всегда настаивала Северная Корея, но многие в Вашингтоне считали подобное развитие событий крайне опасным.

На состоявшейся после саммита пресс-конференции Трамп говорил, что санкции будут отменяться, как только станет ясно, что Северная Корея не может использовать ядерное оружие. Однако уже через месяц после встречи 23 июня 2018 г. Д. Трамп подтвердил, что санкции против Северной Кореи остаются в силе, а неоднократно повторявшаяся установка на проведение кампании максимального экономического давления на Пхеньян по-прежнему актуальна. Американское предложение о новых санкциях против Северной Кореи, однако, не было поддержано Россией.

Только будущее покажет, являются ли достигнутые в Сингапуре подвиги лишь «витринными» или же сторонам реально удастся продвинуться по пути примирения. В американских СМИ появилась информация о продолжении Северной Кореей работ по созданию жидкостных МБР и расщепляющихся веществ для ядерных боеголовок, что не добавляет оптимизма в этом вопросе.

Иранский гамбит США: Без руля, ветрил и учета позиций других участников Соглашения

В принятой при Трампе СНБ записано, что «Иран является основным государством – спонсором терроризма, пользуется нестабильностью, чтобы продвигать свое влияние в регионе через партнеров и зависимых от него группировок, поставляет оружие и финансирование, разрабатывает все более современные баллистические ракеты, ...осуществляет злонамеренные кибероперации и ...поддерживает цикл насилия в регионе» [11, р. 49]. Противодействие укреплению позиций Ирана на Ближнем Востоке стало важнейшим аспектом внешнеполитической стратегии республиканской администрации – это коренным образом расходится с политическим курсом России, настаивающей на значимой роли Ирана в решении проблем региона.

Трамп всегда негативно отзывался о Соглашении по иранской ядерной программе (Совместном плане действий) и обещал в случае избрания отказаться от него. Хотя многие эксперты, в том числе американские, отмечают, что данный документ реально приостановил ядерную программу Ирана и сделал действия последнего более предсказуемыми. Однако Трамп не согласился даже «повременить» или, может быть, «доделать» Соглашение, как предлагали союзники США. Против решения Трампа выступили Россия, Китай, Германия, Франция, Великобритания и ЕС в целом, а также многие другие государства: исключение составили Саудовская Аравия, страны Персидского залива, Израиль.

Огласив решение выйти из Совместного плана действий, Трамп заявил, что будет разработан новый, «лучший» вариант соглашения с Ираном, выдвинув в адрес последнего список требований из 12 пунктов, среди которых

прекращение строительства ракет, полное уничтожение ядерной программы, отказ от обогащения урана, уход из Сирии, прекращение действий в Йемене, Ираке, отказ от поддержки Хизбаллы и др. Однако и по форме (вкуче с самим фактом разрыва действующего Соглашения), и по содержанию данные требования были заведомо «непроходными». Тут следует вспомнить, что изначальная иранская позиция при вступлении в переговоры основывалась на неготовности обсуждать отказ от мирной ядерной программы, который сейчас был выдвинут в качестве базового условия Трампом. Не говоря уже о той степени сотрудничества, в том числе при лидирующем участии России, которое потребовалось для достижения Соглашения и которое в сегодняшних условиях уже труднодостижимо.

Вновь вводимые американские санкции, имеющие целью через экономическое давление повлиять на политические решения Ирана, в то же самое время наносят ущерб и компаниям любых стран, ведущим бизнес с Ираном и имеющим операции в США или осуществляющим транзакции через американские банки. В тот самый день, когда в Дананге проходила встреча глав стран АТЭС, в канадском аэропорту по запросу США была арестована (потом она была отпущена под огромный залог) руководящая сотрудница крупнейшей китайской телекоммуникационной компании Huawei – по обвинению в нарушении американских санкционных требований, связанных с Ираном.

Многие в Вашингтоне между тем осознают возросшую вероятность возобновления Ираном обогащения урана. Американские чиновники в кулуарах высказывали надежду, что инспекции МАГАТЭ на ядерные объекты Ирана продолжатся. Очевидно, что такое можно предположить только в том случае, если в ответ на выход США из Соглашения последний, в свою очередь, не примет решения поступить аналогичным образом.

Появившиеся публикации о том, что американское решение отказаться от Иранского соглашения может отвечать российским интересам, не соответствуют реальному положению дел. Даже если цены на нефть действительно взлетят, а наметившийся раскол США с союзниками кто-то может посчитать выгодным для Москвы, Россия в любом случае не может быть заинтересована в ядерном Иране, в возрастании неизвестности и напряженности на Ближнем Востоке, в увеличении опасности войны, на которую теперь могут решиться в Вашингтоне. И, помимо всего прочего, в Москве не могут не осознавать вероятности того, что при сценарии реального военного конфликта между США и Ираном в Россию через территорию соседних с нею стран с юга хлынут тысячи беженцев.

Очевидно, что европейские страны и Россия будут стараться побудить Иран не выходить из Соглашения, путем различных мер со своей стороны пытаясь компенсировать потери, понесенные им по вине США. Между тем

Д. Трамп 31 июля неожиданно выступил с заявлением, что готов встретиться с иранским лидером «без предварительных условий», но его государственный секретарь в тот же день сказал, что Д. Трамп встретится с Х. Рухани, **если** тот прекратит «бесчеловечное обращение с собственными гражданами», изменит свой «злонамеренный внешнеполитический курс» и изъявит согласие заключить новое соглашение. Повторяется тактика, которая применялась весной в отношении Северной Кореи – когда сначала говорилось об отсутствии предварительных условий, затем такие условия выдвигались, но потом отменялись ...и снова выдвигались. Но учитывая размер ущерба, нанесенного действиями американской администрации, в данном случае маловероятно, что подобные «ужимки и прыжки» могли бы привести к возобновлению американо-иранского диалога.

* * *

Выдвигаемый американской СНБ тезис о возвратившейся конкуренции великих держав как основной угрозе Соединенным Штатам основан на видении Трампом мира как арены борьбы, где Америка правит бал, где она выиграла холодную войну и обладает лучшим потенциалом в истории, а все беззастенчиво пользуются ею, где Китай ворует интеллектуальную продукцию и угрожает соседям, союзники не выполняют своих обязательств, Северная Корея и Иран создают проблемы, а иммигранты наводняют США.

Политика, которую осуществляет Дональд Трамп, нацелена на перекройку системы мировой торговли и строится исходя из «транзакционного мышления». Внутри Соединенных Штатов принимаются меры по поощрению свободного рынка, снижению налогов, отмене многих регуляторных мер и обременяющих ограничений, а для других стран американская администрация вводит повышенные тарифы и при этом осуществляет противодействие свободной торговле, выходит из международных объединений, оказывает силовое давление для обеспечения собственных преимуществ.

Провозглашаются «исторические инвестиции в вооруженные силы». «Поддержание мира путем силы», действия «с позиции силы», «распространение американского влияния в мире» – объявлены ключевыми компонентами реализации американской стратегии безопасности. Однако упоминается также старая, из копилки *realpolitik*, концепция «баланса силы» – который, впрочем, должен быть «в пользу Соединенных Штатов, их союзников и партнеров» [11, р. 2].

Но при этом, с точки зрения республиканской администрации, «глобализация имеет свои издержки», а «сильные суверенные государства, каждое со своей культурой и своей мечтой, успешно развиваются друг рядом с другом в процветании, свободе и мире» [11, р. II]. Стремясь к поддержанию «баланса

сил в пользу США, союзников и партнеров», Соединенные Штаты, по мнению Дональда Трампа (и в этом он парадоксальным образом сходится со своим предшественником), не обязательно должны влезать во все и вся.

Китай представляется ключевым вызовом с точки зрения Вашингтона, но Россия тоже вызывает повышенную озабоченность в связи с ее ядерным потенциалом, программами модернизации вооружений и агрессивной, по мнению США, внешней политикой, включающей предполагаемое кибервмешательство в американские выборы. Однако во всех основных стратегических документах США и в заявлениях американских политиков утверждается, что Соединенные Штаты не заинтересованы в войне. Россию и Китай в американских стратегических документах избегают называть противниками, и утверждается, что в Вашингтоне будут всячески стремиться к сотрудничеству с ними.

Несмотря на неоднократно повторявшиеся Трампом декларации о намерении «поладить с Россией», планировавшаяся им отмена санкций не состоялась. Как любой американский президент, Трамп ограничен существующей в США системой «сдержек и противовесов»: необходимостью получать одобрение Конгресса по внешнеполитическим вопросам. «Российское вмешательство» превратилось в своего рода жупел развязанной против Трампа внутривнутриполитической кампании. Причем степень противостояния между президентом и политическим истеблишментом беспрецедентно велика, а вопрос об улучшении отношений с Россией находится на «острие» этого противостояния. Со стороны законодательной власти США предприняты специальные меры, нацеленные на ограничение прерогатив первого лица государства.

В напряженной международной ситуации, при увеличившихся военных потенциалах сторон и территориальном сближении войск России и НАТО возросла опасность военной конфронтации, случайного столкновения, которое грозит перерасти в полномасштабный конфликт. Подобное положение дел не идет на пользу ни США, ни России и из него необходимо искать выход на путях интенсификации диалога, восстановления механизма антикризисного регулирования, прямых контактов между военными обеих сторон. Возобновление процесса контроля над вооружениями должно стать неременным компонентом двусторонних отношений при любом сценарии их будущего развития.

Российско-американское сотрудничество может способствовать международным усилиям по преодолению украинского кризиса. Но для этого в Соединенных Штатах должны учитывать, что для урегулирования конфликта необходимы гарантии безопасности гражданам востока Украины. Необходимо обеспечить этим гражданам возможность участвовать в касающихся их

жизни политических решениях – как это было зафиксировано в Минских соглашениях.

Нет роковой предопределенности и в противостоянии по сирийскому вопросу. Поражение ИГИЛ, прекращение кровопролития, политический процесс в Сирии, достижение стабильности в регионе – в интересах как Москвы, так и Вашингтона. Северокорейская проблема также будет иметь более устойчивое решение, если оно будет опираться на большее количество стран, включая таких важных участников международного процесса, как Китай и Россия. Что же касается Ирана, то по отношению к этому государству администрация Трампа избрала иную парадигму действий, вышла из Иранской сделки – что привело к значительному осложнению ситуации и повышению рисков военного конфликта. Курс Вашингтона на изоляцию Ирана не поддерживается российской стороной и бесперспективен с точки зрения задачи достижения мира на Ближнем Востоке.

Несмотря на напряженность в отношениях, которую политики в США считают результатом конкуренции, а многие в России – следствием стремления Москвы добиться, чтобы в международных делах учитывалось мнение не только Вашингтона, но и других участников мировой политики, между Россией и США нет экзистенциальных противоречий, но есть экзистенциальная необходимость взаимодействия в решении таких глобальных проблем, как обеспечение нераспространения оружия массового уничтожения, предотвращение космических и киберугроз, борьба с эпидемиями и стихийными бедствиями. Однако в настоящее время отношения находятся на чрезвычайно низкой точке и подобное сотрудничество крайне затруднено.

Библиография

1. Арбатов А. До основания, а затем... // Россия в глобальной политике. 2017. 4 июля. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Do-osnovaniya-a-zatem-18807> (Дата обращения: 10.05.2018.)
2. Бубнова Н.И. Новая администрация США: Военно-политические вызовы // Россия и современный мир. 2017. № 1. С. 135–152.
3. Бубнова Н.И. Российско-американские отношения в сфере контроля над вооружениями: выйти из клинча // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 161–178.
4. Бубнова Н.И. Структурные и кадровые сложности формирования внешнеполитического курса администрации Д. Трампа // Пути к миру и безопасности. 2017. № 2 (53). С. 6–27.
5. Группа ситуационного анализа ИНИОН РАН обсудила первые шаги администрации Дональда Трампа // ИНИОН РАН: Официальный сайт. 2017. 31 янв. URL: <http://inion.ru/about/news/gruppa-situatsionnogo-analiza-inion-ran-obsudila-pervye-shagi-administratsii-donalda-trampa/> (Дата обращения: 10.05.2018.)
6. Крамаренко А. Стратегия национальной безопасности Д. Трампа: «Независимая Америка» и «мирное сосуществование?» // РСМД: Официальный сайт. 2018. 9 янв. URL: [http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-d-trampa-nezavisimaya-amerika-i-mirnoe-sosushchestvovanie-/](http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-d-trampa-nezavisimaya-amerika-i-mirnoe-sosushchestvovanie/) (Дата обращения: 5.05.2018.)

7. Пресс-конференция Владимира Путина по итогам саммита БРИКС // Президент России: Официальный сайт. 2017. 5 сент. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55535> (Дата обращения: 12.12.2017.)
8. Defense Budget Overview. United States Department of Defense Fiscal Year 2019 Budget Request // Under Secretary of Defense (Comptroller): Public Website. URL: http://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2019/FY2019_Budget_Request_Overview_Book.pdf (Дата обращения: 5.05.2018.)
9. Joint Statement of President Donald J. Trump of the United States of America and Chairman Kim Jong Un of the Democratic People's Republic of Korea at the Singapore Summit // White House Government: Official Website. 2018. June 12. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-statement-president-donald-j-trump-united-states-america-chairman-kim-jong-un-democratic-peoples-republic-korea-singapore-summit/> (Дата обращения: 15.07.2018.)
10. Kuchins A. The Biggest News about the Trump-Putin Meeting Was That It Happened At All // National Interest. 2017. Jul. 10. URL: <http://nationalinterest.org/feature/the-biggest-news-about-the-trump-putin-meeting-was-it-21488?page=2> (Дата обращения: 10.10.2017.)
11. National Security Strategy of the United States of America. Dec. 2017 // White House Government: Official Website. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf> (Дата обращения: 10.02.2018.)
12. Quadrennial Defense Review Report. 2010. Feb. // US Department of Defense: Official Website. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/QDR/QDR_as_of_29JAN10_1600.pdf (Дата обращения: 10.02.2018.)
13. Twitter account of Donald J. Trump // URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/984022625440747520> (Дата обращения: 10.09.2018.)
14. Twitter account of State Department Spokesperson // URL: <https://twitter.com/state-deptspx?lang=en> (Дата обращения: 12.12.2018.)
15. 2019 Defense Budget Signed by Trump // Military Benefits. 2018. Nov. URL: <https://militarybenefits.info/2019-defense-budget/> (Дата обращения: 12.12.2018.)

References

- Arbatov A. Do osnovan'ja, a zatem... // Rossiya v global'noj politike. 2017. July 4. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Do-osnovaniya-a-zatem-18807> (Дата обращения: 10.05.2018.)
- Bubnova N.I. Novaja administracija SShA: Voенно-politicheskie vyzovy // Rossiya i sovremennyy mir. 2017. N 1. P. 135–152.
- Bubnova N.I. Rossijsko-amerikanskije otnoshenija v sfere kontrolja nad vooruzhenijami: Vyjti iz klincha // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2017. N 3 (54). P. 161–178.
- Bubnova N.I. Strukturnye i kadrovye slozhnosti formirovanija vneshnepoliticheskogo kursa administracii D. Trampa // Puti k miru i bezopasnosti. 2017. N 2 (53). P. 6–27.
- Gruppa situacionnogo analiza INION RAN obsudila pervye shagi administracii Donal'da Trampa // INION RAN: Official Website. 2017. Jan. 31. URL: <http://inion.ru/about/news/gruppa-situatsionnogo-analiza-inion-ran-obsudila-pervye-shagi-administratsii-donald-trampa/> (Дата обращения: 10.05.2018.)
- Kramarenko A. Strategija nacional'noj bezopasnosti D. Trampa: «Nezavisimaja Amerika» i «mirnoe sosushhestvovanie?» // RSMD: Official Website. 2018. Jan. 9. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-d-trampa-nezavisimaya-amerika-i-mirnoe-sosushchestvovanie/> (Дата обращения: 5.05.2018.)

Press-konferencija Vladimira Putina po itogam sammita BRIKS // Prezident Rossii: Official Website. 2017. Sept. 5. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55535> (Data obrashhenija: 12.12.2017.)

Defense Budget Overview. United States Department of Defense Fiscal Year 2019 Budget Request // Under Secretary of Defense (Comptroller): Public Website. URL: http://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2019/FY2019_Budget_Request_Overview_Book.pdf (Data obrashhenija: 5.05.2018.)

Joint Statement of President Donald J. Trump of the United States of America and Chairman Kim Jong Un of the Democratic People's Republic of Korea at the Singapore Summit // White House Government: Official Website. 2018. June 12. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-statement-president-donald-j-trump-united-states-america-chairman-kim-jong-un-democratic-peoples-republic-korea-singapore-summit/> (Data obrashhenija: 15.07.2018.)

Kuchins A. The Biggest News about the Trump-Putin Meeting Was That It Happened At All // National Interest. 2017. Jul. 10. URL: <http://nationalinterest.org/feature/the-biggest-news-about-the-trump-putin-meeting-was-it-21488?page=2> (Data obrashhenija: 10.10.2017.)

National Security Strategy of the United States of America. Dec. 2017 // White House Government: Official Website. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf> (Data obrashhenija: 10.02.2018.)

Quadrennial Defense Review Report. 2010. Feb. // US Department of Defense: Official Website. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/QDR/QDR_as_of_29JAN10_1600.pdf (Data obrashhenija: 10.02.2018.)

Twitter account of Donald J. Trump // URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/984022625440747520> (Data obrashhenija: 10.09.2018.)

Twitter account of State Department Spokesperson // URL: <https://twitter.com/statedeptspox?lang=en> (Data obrashhenija: 12.12.2018.)

2019 Defense Budget Signed by Trump // Military Benefits. 2018. Nov. URL: <https://military-benefits.info/2019-defense-budget/> (Data obrashhenija: 12.12.2018.)